

СМЕХ, ПЕСНИ... И ЗА ЭТО ЛЮБОВЬ

А Я ВОТ люблю смотреть, как работают хорошие эстрадные музыкальные ансамбли, только именно хорошие. Перед вами чрезвычайно наглядно и зримо предстает то состояние человека, про которое говорят, что он в свое дело «душу вкладывает». Словно сросся артист со своей гитарой или ударной установкой и всякий раз извлекает из нее неожиданные, новые звуки, и, кажется, отними у него сейчас музыкальный инструмент, отними возможность продемонстрировать перед публикой свое мастерство — и свет померкнет, и жизнь пойдет наперекосяк...

Рассуждая об эстрадном искусстве, об успехах и неудачах артистов, мы отыскиваем множество разных умных аргументов, причин, следствий и часто забываем об одном, очень простом, но таком существенном обстоятельстве, об этом самом — «душу вкладывать». Наверное, многие и сам артист, выступающий с эстрады, не подозревает, как хорошо «читаются» из зрительного зала и его душевный настрой, и степень увлеченности, и отношение к аудитории. А потом руководители концертных организаций ломают голову: и репертуар вроде неплохой, и громкое популярное имя на афише, чем же объяснить полупустые залы и вежливые жиденькие хлопки в конце? А бывает иное. Ясно видишь слабость многих текстов и недостатки исполнения, а, тем не менее, номер есть, и публика есть, и успех есть, и как не быть благодарным артисту, который для вас, по-честному и всерьез, себя тратит.

На суждение об эстрадных оркестрах, с которого начинается эта заметка, навел меня микрожаз «Чижик-пыжик», выступающий в обзоре «Смех, песни и, конечно, любовь...» Автор и исполнитель — Эмил Радов. И в общую атмосферу того вечера, когда довелось мне побывать на этом эстрадном спектакле, — атмосферу, которая ощущалась на сцене и в зале, «Чижик-пыжик» вписывался вполне органично.

Радову присущи актерское обаяние и, что особенно важно, сценическая культура. Последнее проявляется и в том, что артист хорошо чувствует грань, за которой непринужденность в общении с публикой переходит в развязность и неприятное фамильярничанье. И в том, что он достаточно требовательно относится к слову, звучащему со сцены. И в том, что по ходу спектакля старается пропагандировать стихи современных поэтов. (Опять-таки нельзя не вспомнить, что основная масса текстов, произносимых у нас на эстраде, находится на катастрофическом уровне).

Но главное — главное в том, что артист «душу вкладывает». Между прочим, именно поэтому сразу становится очевидным, какие куплеты и сценки далеки от актерской индивидуальности Радова. Когда он начинает обличать поджигателей войны, это звучит несколько дежурно. И думается о том, что вряд ли в каждой эстрадной программе непременно должен присутствовать всеохватывающий набор объектов обличения. Плодотворней и полезней, если каждый артист будет делать то, что у него лучше получается. У Радова получаются пародии, получаются лирические отступления, бытовая сатира. Разве мало?

И уж здесь он «выкладывается». Вот некий псевдонародный хор, состоящий из дюжких, знатно оторкленных молодых, которым в пору бы, как минимум, на лесозаготовки, а они, не ведая сомнений, знай себе поют хором: «Елочки-сосеночки, зеленые, колючие, мы будем петь про елочки, пока вас не замучаем» (изображать хор помогает Радову «Чижик-пыжик»). И тут же артист преобразжается в двух напористых куплетистов и очень смешно дает понять, что эта их напористость... ну, как бы не вполне творческого порядка. И вы чувствуете, что артист взялся за пародию не потому, что они имеют успех у публики, а потому, что с равнодушием и самодовольством в эстрадном искусстве у него свои, ну прямо-таки личные счеты.

Обличительный пафос артистов эстрады порой вызывает чувство неловкости. Соображения о том, что надо бы получить подстричь газоны на новом проспекте или разумнее разместить пешеходные дорожки, подаются так, будто найден наконец корень всех бед и зол, и здесь же, на глазах у публики, корень этот будут искоренять. Теряется доверие к артисту, который все это продлевает, к искренности и серьезности его гражданского гнева. Радов умеет соразмерить силу удара с объектом сатиры, палит из пушек по воробьям, видимо, не в его вкусе. К мелким неурядицам нашего быта он относится сердито, но не делает при этом вида, что совершает мотушливый прорыв на сатирическом фронте. Поэтому артисту верить, вместе с ним смеяться и сердиться. Но думаешь и о том, что Радову пора уже выбирать более серьезные мишени для сатирических стрел. Опыта и мастерства достаточно — артист сам это доказывает хотя бы монологом об убийце: о человеке, убившем свой вечер.

Думается, актерское эстрадно-сатирическое обозрение артиста в основном получилось. Радову стоит продолжать опыты.
К. ЩЕРБАКОВ.